

ПИСЬМО Р.-М. РИЛЬКЕ ПО ПОВОДУ «МИТИНОЙ ЛЮБВИ» И. А. БУНИНА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье приводится отрывок письма Р.-М. Рильке неизвестному адресату по поводу произведения И. А. Бунина «Митина любовь». Адресат, вероятно, отмечал сходство между восьмой Дуинской элегией Рильке и повестью Бунина «Митина любовь». Письмо было опубликовано в 1927 году в журнале «Русская мысль», который на сегодняшний день представляет собой библиографическую редкость. Р.-М. Рильке дает подробный разбор бунинской повести, своеобразно переосмыслив образ Мити и его переживания. Именно в это время (как видно из письма) состоялась личная встреча Р.-М. Рильке с Буниным, писатели проявляли взаимный интерес к творчеству друг друга.

Ключевые слова: художественный метод, типологическое сходство, экзистенциальная проблематика, «всюду присутствующее» пространство.

Abstract: the article contains an excerpt from a letter from R.-M. Rilke to an unknown addressee regarding the work of I. A. Bunin's "Mitya's Love". The latter probably noted the similarity between Rilke's eighth Duino elegy and Bunin's story "Mitya's Love". The letter was published in the Russian Thought journal in 1927, which today is a bibliographic rarity. R.-M. Rilke gives a detailed analysis of Bunin's story, rethinking the image of Mitya and his experiences in a peculiar way. It was at this time (as can be seen from the letter) that a personal meeting between R.-M. Rilke and Bunin took place, the writers showed mutual interest in each other's work.

Keywords: artistic method, typological similarity, existential problems, "everywhere present" space.

Есть ли параллели между художественным творчеством Бунина 1920-х гг. и поэтическим творчеством его современника Р.-М. Рильке? Думается, что параллели эти есть, и они весьма многочисленные и заметные. Трудно себе представить, что, уже живя во Франции, Бунин не был знаком с творчеством известного австрийского поэта Р.-М. Рильке. В дневниковых записях «Устами Бунина» от 8 и 12 марта 1931 года находим следующее:

8 марта.

[...] Ян за обедом говорил о Рильке, о том, что тот не боялся подражать, хотел найти Учителя. Потом, вечером, он читал из его переписки с Родэном о том, что главное счастье — работа, терпение и концентрация, а главное, чего нужно беречься, — спешка. Какая во всем тонкость! Замечательное явление этот Рильке [1, 193].

12 марта.

Вчера мы были приглашены к Фондаминским. [...] Степун занимал всех. Он много говорил о Рильке, которого очень ценит, как поэта и философа [1, 194].

В данной статье речь пойдет о программной концепции любви в поэзии Р.-М. Рильке и в повести И. Бунина «Митина любовь». Важно отметить, что творчество обоих писателей отмечено чередой вечных тем: любовь, одиночество, творчество, смерть, при-

рода, культура, история — человеческая и Священная, людское и Божественное в неоднозначности их связей и отношений. Истинные поэты всегда оставались пророками всемирного восстановления жизни и красоты посредством любви.

Опыт анализа поэтического творчества И. А. Бунина и Р.-М. Рильке уже встречается в буниноведении, например в работе Т. М. Двинятиной, которая проводит сопоставительный анализ стихотворений Р.-М. Рильке «Der Panther» (1902) и И. А. Бунина «Пантера» (1922). Сходство художественного метода, проявившееся и в целом ряде других текстов, по мнению исследователя, позволяет говорить о типологической близости двух поэтов. Двинятина полагает, что стихотворение Бунина, долгое время считавшееся оригинальным, рассматривается как вольный перевод из Рильке, и это вносит новые штрихи в представление о практике поэтического перевода Бунина и о его связях с западноевропейской поэзией [2].

Н. В. Пращерук в статье ««Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина» (2011) выстраивает анализ «жизненного мира» «Жизни Арсеньева», также находя аналогию с поэтическим мироощущением Р.-М. Рильке. «Опыт жизни Арсеньева, рассматриваемый «как переживание им «единого» и «всюду присутствующего» пространства («Нет никакой отдельной от нас природы... каждое... движение воздуха есть движение нашей собственной жизни»),

можно сопоставить с поэтическим мироощущением Р.-М. Рильке, одного из самых адекватных эпохе «выразителей» ее «экзистенциального» состояния: «Единое и — внутримировое / пространство все связует. И во мне / летают птицы. К дальней высоте / хочу подняться, — и шумлю листвою». Следует подчеркнуть и то, что перед нами не просто герой, проживающий в воспоминаниях свою жизнь, а художник, занятый собственным жизнеописанием. Экзистенциальная проблематика, следовательно, непосредственно выходит в сферу эстетического» [3, 158].

Необходимо подчеркнуть, что жизнь и творчество Рильке были очень тесно связаны с Россией и русской литературой. В 1899 г. Рильке совершает свое путешествие — в Россию, пребывание в России он сам считал одним из решающих событий своей жизни. Важно отметить факт того, как он воспринял Россию, — свою «духовную родину», в первый раз увидев ее, по прибытии: ему, как и Бунину, впервые увиденное становится хорошо знакомым и узнаваемым. На своем поэтическом языке Рильке называл это «узнаванием», «возвращением на родину»: «Когда я впервые приехал в Москву, все мне показалось знакомым и хорошо известным. Была Пасха. Я был взволнован, как будто это была моя Пасха, моя весна, мои колокола, это был город моих самых старинных и глубоких воспоминаний, это было вечное свидание и узнавание: эта была родина... Россия стала для меня реальностью и в то же время глубоким и повседневым сознанием, что реальность есть нечто сначала удаленное и приближающееся с бесконечной медленностью лишь к тем, кто имеет терпение» [4]. Патриархальная Россия воспринималась им как полная противоположность западной цивилизации, погрязшей в рационализме и «безбожии» и клонящейся к своему упадку. Россия же, с этой точки зрения, казалась «юной» страной, которой предстоит еще небывалый духовный расцвет.

Прежде чем перейти к теме нашего исследования — поиску экзистенциальных параллелей в творчестве М. Рильке и И. Бунина, необходимо кратко обозначить общие для писателей контрапункты. Исходной точкой пространственного развертывания в мифологическом пространстве поэтического текста писателей, неким центром, осью, которым принадлежит максимум сакральности, становятся темы любви и смерти, «метафизика любви» (Ф. Степун) — ключевые темы в творчестве М. Рильке и И. Бунина. «Как художник Бунин не только бытописатель-социолог, но и поэт-метафизик. Подобно высокому небу над землей возвышается в его произведениях над темой России тема любви и смерти. Восторг любви и смертная печаль светятся во всех его стихах, озаоряют его прозу. Наиболее глубоко проблема любви была поставлена Буниным в «Митиной любви»» [5, 170]. Исследователи 2010-х годов рассматривают концепцию любви в прозе Бунина многоаспектно:

К. В. Анисимов (2015) интересно исследует концептуальный рассказ И. А. Бунина «Грамматика любви» в единстве его смысловых, контекстуальных, интертекстуальных и жанровых особенностей. Е. В. Капинос (2014) вписывает произведения И. А. Бунина о любви и страсти в контекст мировой литературы, к примеру, находит в целом ряде произведений писателя интересные параллели с романом Мопассана «Милый друг». Н. В. Пращерук раскрывает оригинальную концепцию любви («Солнечный удар», «Митина любовь», «Темные аллеи» и др.) (2016) в творчестве И. А. Бунина, (когда женщина главенствует, а герой-мужчина изображается беспомощным перед лицом любовной страсти), восходящую к Ф. М. Достоевскому [6].

Тема любви и смерти, как двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга понятий, одна из центральных и в творчестве Р.-М. Рильке. Любовь для Рильке — это обретение и преодоление себя любящим, дающим возможность обретать и преодолевать себя любимому. Два мира, две вселенные сходятся в точке, в мгновении встречи, не поглощая друг друга. В этой точке в это мгновение они обретают небывалую полноту бытия и — оставляют каждый другому возможность пребывать в своей собственной полноте, дополненной полнотой другого, но собственной. И значит, встреча, прорыв друг к другу, единение — даны на мгновенье. Длится, пребывает иное — полнота суверенного бытия. В творчестве Рильке лишь смерть может соперничать с любовью как центром единения, слияния всех противоположностей в нераздельном. Смерть, дающая подлинное и окончательное одиночество, смерть, превышающая существование каждого, вбирающая в себя всю полноту бытия.

Эта мысль движет Рильке и в предлагаемом нами для ознакомления отрывке письма, написанном им незадолго до смерти, в 1926 году. В 1927 году оно было опубликовано в журнале «Русская мысль», который с 1880 по 1918 год издавался в России, а с 1921 года, став уже органом эмиграции, — в Софии, затем в Праге — до начала 1924 года, когда фактически и прекратил свое существование. Попытка возобновить издание, предпринятая небезызвестным П. Б. Струве в 1927 году в Париже, успеха не имела из-за отсутствия средств, постоянного круга читателей и к тому же из-за конкуренции со стороны другого эмигрантского органа — «Современные записки». Журнал этот в настоящее время стал библиографической редкостью.

Между тем письмо Рильке, затерявшееся в единственном номере 1927 года, представляет для нас большой интерес. В предисловии к нему Г. Струве писал: «Письмо это сообщено нам русским читателем и почитателем Рильке, заинтересовавшимся близостью некоторых мыслей в одной из «Дуинских элегий» Рильке по мотивами бунинского романа.

Рильке очень охотно откликнулся на запрос своего русского читателя. Письмо Рильке написано 25 февраля 1926 из того самого санатория Валь-Монт, где 10 месяцев спустя он так неожиданно скончался» [4, 54]. Мы приводим отрывок письма Рильке, непосредственно относящийся к теме нашей работы — схожести экзистенциальных мироощущений в феномене «метафизики любви» Рильке и Бунина.

«... Милый, <...> участь того, кто в се — же остается жить, конечно, лучше Митиной. Я вот уже несколько месяцев как знаком с обоими, и с Катей и с Митей, по хорошему французскому переводу «Le Sacrement de l'Amour», прочесть который меня тем более влекло, что в прошлом году в Париже я имел возможность самым приятным образом встретиться с Иваном Буниным... «Случай» Мити это один из тех многочисленных случаев нетерпения (и притом один из самых чистых и трогательных), когда молодой человек теряет любопытство и способность ожидать течение событий и выхода из невыносимого положения и перестает верить в то, что за этими страданиями, в которые вступил и вовлечен был весь мир, должно последовать что-то иное, может быть, поначалу и не более легкое, но, во всяком случае *иное*, которое уже в силу своей инакости, должно было бы представляться более выносимым и переносимыми. Сначала судьба Мити показалась мне не имеющей ничего общего с теми душевными состояниями, о которых говорит мое стихотворение. Но нет, вы правы, как о «любящем», о нем, конечно, говорится в этом стихотворении, хотя он и совершает ошибку, смешивая в одно два резко различных состояния, которые противопоставляются в «Восьмой элегии». Любимая, Катя, эта нежная, впечатлительная Катя, впервые дает ему тот взгляд на простор, который (быть может) приближается к великому бессознательно-знающему взгляду животного; но едва только он покидает любимую девушку, как от тоски и покинутости, он заполняет эту открывшуюся ему беспредметную даль, это блаженство, которое есть не что иное, как пространство, — тоже любимым, близким ему миром, который он затем, с утратой Кати, по необходимости вместе с нею утрачивает, так что ему не остается ничего, кроме небытия, кроме «néant» (небытие, ничто фр.), в котором он храбро и последовательно гибнет. Малейшая доля любопытства (я намеренно применяю эту самую по себе ничтожную мерку) к тому состоянию, которое должно было последовать за этим отчаянием, могла бы еще спасти его, хотя он действительно погрузил весь мир, который он знал и видел, на маленький, устремляющийся от него прочь кораблик «Катя»... на этом — кораблике ушел от него мир. «Le Sacrement de l'Amour» (Таинство любви) — передает лучше то, что здесь происходит, чем заглавие «Митина любовь». Митина любовь была бы скорее неутраченная Катя, счастье, борьба, судьба рядом с ней, и все же, в конце концов,

утрата друг друга, которая была бы с Катей, какова она есть, неизбежна... В этом смысле маленький роман Бунина почти старомодная книга: нас гораздо больше интересует то, что происходит в тех и между теми, кто не теряют себя на такой лад и все-таки должны как-то по-иному, в жизни, потерять себя, ибо не научились любить» [4, 55].

Таким образом, по мысли Рильке, влюбленный в Катю герой Бунина Митя теряет себя ради любимого человека, и теряет и эту любовь, и всё то, что ему еще предстоит. Любящий Митя, который не может провести границу между собой и Катей и сказать, где же его личное, у которого нет уже ничего своего, — может ли он найти действительно личный выход, утратив навсегда свое одиночество? По мысли Рильке — нет, если не уберечь от этого себя и другого, не уберечь и любви и, в конечном итоге, своей драгоценной жизни. «Бунинский герой, по Рильке, слишком нетерпелив, он еще не стал в полном смысле «любящим», еще не научился любить, Митя весь сосредоточен на своих переживаниях, не в силах выйти за грань своих ощущений и страданий» [7], однако, по мысли Рильке, такое эгоистическое самопогружение неприемлемо. Для него любовь и творчество тесно взаимосвязаны, любовь возвышает душу и способствует творческой активности.

Эта идея наиболее ярко выражена в «Дуинских элегиях», с которыми неизвестный адресат сравнивает повесть Бунина «Митина любовь». В «Дуинских элегиях» показана, собственно говоря, высшая форма одухотворенной любви — как начало творческого пути, поиск духовного совершенствования. Рильке, как и в прежних своих поэтических опытах, высказывает мысль о ценности любви только в соединении со свободой. Поэт утверждает особую этику любви, воспекает чувство любящих, не устремленное к обладанию друг другом.

Нет, мы должны, наконец, плодоносить заставить эту древнейшую боль. Разве нынче не время нам, полюбив, от любимого освободиться, чувство свое превозмочь, как стрела тетиву, чтобы подобно стреле в мускулистом полете себя превзойти? Ведь покоя нигде не отыщешь [8].

Не любимые, а любящие, по мысли поэта, достойны восхваления, потому что, удовлетворив любовную страсть, первые становятся утоленными, тогда как вторые должны быть готовы отказаться от обладания ради свободы другого без перспективы быть услышанными ими. Истинного воплощения стремлений — покоя — не найти в сердце любимого. Представление о муках, которые принесут любимым прекрасные плоды, восходит к жертвенной смерти Христа [9].

Поэтом современному человеку, такому, как Митя в повести Бунина, считает Рильке, не дано насладиться красотой и силой своего чувства, так как он слишком эгоистичен и себялюбив, и в этом его

трагедия. Современный человек страдает от неполноты любви, от недостижимости счастья, не понимая того, что причина кроется в нем самом, в его духовной ущербности. По мнению поэта, в окружающей нас современной жизни любовь вместо гармонического соединения каждый раз становится формой захвата и агрессии, в то время как истинная любовь — это постоянный труд, внутренняя работа души. Между любовью современного человека с ее пожирающими друг друга страстями, с ее непомерным эгоизмом, ограниченностью, душевной ленью и истинной любовью лежит бездна.

В «Дуинских элегиях» Рильке утверждает, что высшее назначение и одновременно спасение человека — быть любящим. Подлинная любовь заключена в самом человеке. Такая любовь не ограничивает бытия любимого. Для поэта любящий — высшее проявление человеческого духа. Ему ничего не нужно, ведь он сам носитель любви, а любовь — ощущение всеполноты бытия. В то же время, любовь утоленная, по Рильке, является символом совершенства — полноты, чистой длительности, вечности. Таким образом, Рильке в письме к неизвестному адресату подтверждает сходство основной идеи элегий с программным тезисом повести Бунина, согласно которому космически природная сущность «любящего для себя» Мити, эгоистически устремленная лишь к обладанию возлюбленной Катей, превратилась в трагедию человеческого духа и привела героя к греху и смерти.

Любовь в творчестве Бунина всегда трагична. «Полюбив, мы умираем...» Эти строчки Гейне: как нельзя лучше раскрывают отношение И. Бунина к любви, определяют его концепцию единства любви и смерти. Влюбленный герой Митя проходит путь от простого влечения к высшему чувству, что называется любовью. Он живет своей экстатической любовью, которая от разлуки становится все более напряженной и постепенно приобретает характер положительной одержимости, пока в конце не стала уже для Мити истинным наваждением. Причем в это состояние одержимости и наваждения вовлечен окружающий мир Мити, природа.

Что же оказывается самым страшным для влюбленного человека? Почувствовать Богооставленность и остаться один на один со своими чувствами, воспоминаниями, переживаниями, сомнениями, которые становятся для него мукой. Именно в этом — в Богооставленности, в одиночестве, в безблагодатной любви, лишенной присутствия Бога, и заключается трагедия героя, убивая последние силы к духовному возрождению. Митя утрачивает самое главное — чувство укорененности собственной души в вечном и абсолютном, утрачивает внутреннюю подпитку божественными силами, теряет неразрывную связь своего «я» с Богом, что в свою очередь становится препятствием к раскрытию его религиозного созна-

ния, мистического состояния духа, в которых даруется божественное откровение, и которые спасли бы героя от самоубийства. Трагедия Мити в том, что он не смог «преодолеть» в себе эсхатологическое чувство богооставленности, не смог пережить катастрофу любви и найти в себе силы для того, чтобы восстановить связность бытия. Чуда обретения гармонии на краю бездны, перед лицом хаоса и трагизма не произошло, вместо него — «обреченность страшной безблагодатной любви» [10, 668].

По мнению Е. Капинос, начальной вехой становления, своеобразной точкой отсчета эмигрантского творчества И. Бунина является повесть «Митина любовь», которая дала повод критикам — таким, как П. Бицилли, Г. Брандес, Ф. Степун, надеяться, что с отъездом из России творческая биография Бунина не закончилась, а стиль писателя приобрел новые качества [11]. Р.-М. Рильке рассматривал «Дуинские элегии» как свое главное произведение, сборник «Дуинские элегии» («Duineser Elegien»), выдержанный в традиции гениального предромантика Фридриха Гельдерлина, был признан ведущими критиками вершиной поэтического творчества поэта. Произведения И. А. Бунина и Р.-М. Рильке о любви — это ответ на вызов времени, который необходимо истолковывать в духовном ключе. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося центр жизни за пределы своей эмпирической самости, человек тем самым проявляет и осуществляет свою Божественную истину, свое безусловное Божественное предназначение, которое и состоит в способности «преодолевать» границы своего фактического бытия ради другого, в способности жить не только в себе, но и в другом и для другого. Преодоление — через стяжание сути, одоление катастрофизма путем постижения (или сотворения) его осмысленности, наделение его этой осмысленностью, обретаемой через духовное усилие, создаваемой усилиями воли, чувства, мысли. Таким может и должен быть, по мнению писателей, модус творческого существования человека. Чуткость творческой личности к катастрофичности существования, глубина её переживания более всего и дает о себе знать в этом духовном «усилии одоления». Не достижение, не результат, не обретенная призрачная гармония любви, но именно преодолевающее усилие человека — главное в модусе экзистенции «метафизики любви» в творчестве Р.-М. Рильке и И. А. Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. Устами Буниных. Дневники / Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. В 2 т. — Т. 2. — М.: Посев, 2005. — 432 с.
2. Двинятина Т. М. «Der Panther» Р.-М. Рильке и «Пантера» И. А. Бунина: типология и преемственность / Т. М. Двинятина // Вестник Омского университета. 2014. — № 3. — С. 161–165.

3. Пращерук Н. В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина / Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева / редкол.: О. В. Зырянов, Н. В. Пращерук, Е. К. Созина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.
4. Степун Ф. Райнер Мария Рильке / Ф. Степун // Русская мысль. — 1927. — Январь. — С. 47–54.
5. Степун Ф. И. А. Бунин и русская литература / Ф. Степун // Возрождение. — 1951. — № 13. — С. 168–175.
6. Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл: монография / К. В. Анисимов. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 148 с.; Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов / Е. В. Капинос. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 248 с.; Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой: монография / Н. В. Пращерук. — 2-е изд., доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016.
7. Пахомова И. В. Творчество Р.-М. Рильке в аспекте связей с русской литературой «Серебряного века»: концепция любви.: автореф. дис. канд. филол. наук 10.01.01 / И. В. Пахомова. — Москва, 2007. — 23 с.
8. Райнер Мария Рильке Дуинские элегии 1912 — 1922. — Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/rilke_duineser_elegien.pdf
9. Вольфганг Леппман О Дуинских элегиях (Из книги «Рильке. Жизнь и творчество»). — Режим доступа: <https://proza.ru/2017/04/10/1518>
10. Литературное наследство. Бунин И. А. (Сборник материалов) В 2 кн. — М.: Наука, 1973. — Т. 1. — 696 с.
11. Капинос Е. В. Формы и функции лиризма в прозе И. А. Бунина 1920-х годов: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Капинос. — Новосибирск, 2014. — 45 с. — Режим доступа: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01007533067.pdf>

*Воронежский государственный аграрный университет
имени Петра первого*

*Скрипникова Т.И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранного языков*

E-mail skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

*Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of
Russian and Foreign Languages*

E-mail skripnikova77@rambler.ru